

Сначала Терехов придумал самый простой и показавшийся надёжным ход: он запасся натуральной медицинской справкой, что является сопровождающим лицом, то есть поводырём, и везёт слепую женщину после операции домой. Таким документом почти всё объяснялось, в том числе ненужные бинты под маской на лице и сама кожаная маска, напоминающая восточную паранджу. И должно было вызвать сочувствие у всех — от кассирши, продающей билеты на самолёт, до стюардессы на борту. Справку выписывал крестник, Рыбин-младший, недавно получивший именную печать доктора, однако же он первым и усомнился, что такой документ подойдёт на все случаи жизни. Отпрыск старого друга, Рыбина-старшего, мыслил уже новыми, современными категориями о взаимоотношениях людей и, взглянув на просроченный паспорт Алефтины, посоветовал его заменить.

— А она по жизни такая же красивая? — спросил, глядя в фотографию.

— Такая же, — уверенно заявил Терехов. — И ничуть не изменилась.

— Ну ты даёшь, дядя Андрей, — одобрил крестник. — Одно плохо — на чеченку похожа.

— Она украинка, читай фамилию!

— А подумают — тип кавказской женщины. Да ещё в хиджабе! То есть в маске. Соображаешь? И паспорт скончался ещё семь лет назад.

Терехов оценил владение молодого доктора логикой современной жизни и лишь спросил о родителях. Тот давно жил от них отдельно, поэтому лишь пожал плечами.

— Наверное, ещё оба в экспедиции. Что-то не звонят, забыли про своего ребёнка. Представляешь, крёстный, они до сих пор любят друг друга...

Человек, готовый решить вопрос с новым паспортом, нашёлся легко и сразу потребовал аванс. Он представился бывшим работником миграционной службы, стремился блеснуть знанием предмета и проницательностью, но, словно глину, выдавливал из себя брезгливую искушённую и желчность, чем сначала не понравился Терехову.

Этот пенсионер сразу же решил, что за владелицей просроченного документа тянется некий криминал, заподозрил, будто она скрывается от крупного банковского займа, и Андрей доверительно это подтвердил, чтоб не вдаваться в подробности. Паспортист лишь язвительно ухмыльнулся, взгляделся в фотографию и тоже заметил некие явные кавказские следы в чертах лица, в том числе и в имени Алефтина. Это уже был намёк на вещи более тяжкие, чем невозвращённый кредит, и Терехов заверил, что она украинка, чему соответствует фамилия.

Говорить он мог только полущёпотом, всё ещё болело горло, поэтому опасался быть непонятым. Пенсионер услышал всё и в ответ лишь воззрился на него взглядом размытым, как оплывшие, нечёткие печати. И для гарантированной чистоты операции вдруг потребовал реальное свидетельство о браке. То есть предложил жениться на ней, чтобы поменять фамилию, из чего вытекала законная причина смены паспорта. Кроме того, посоветовал немаловажную деталь: если в имени букву «ф» поменять на «в», допустить будто бы лёгкую и частую ошибку в написании, то получится совершенно другое имя. Не то что без проблем продадут билет на самолёт в авиакассе, даже Интерпол не придерётся. Но в любом случае старый паспорт со штампом регистрации брака придётся передать ему, под скорое и гарантированное уничтожение. Кто-то должен снять с него копию, которая потом канет в архивах навечно, мол, таковы правила.

Терехов не пожалел, что связался с профессионалом, стал его благодарить, но тот невозмутимо накинул сумму гонорара, потребовал сегодня же к вечеру принести фотографии невесты и отправил в путешествие по загсам Новосибирска искать, кто теперь в срочном порядке окрутит молодожёнов. По его данным, сделать это было совсем нетрудно из-за продажности чиновников, к которой паспортист относился презрительно.

И вот уже пять часов Терехов мотался по городу, объезжая друзей и хороших знакомых в надежде найти связи, чтобы зарегистрировать брак.

Несколько лет назад Андрей разводился, причём сделал это тоже через знакомых, стремительно, в один день, хотя процесс был официальным, в суде, поскольку от первого брака у него было двое сыновей. Надо сказать, всё прошло так быстро и гладко, что даже сам не поверил, рассчитывая на долгую тяжбу. Но лишних вопросов не задавали, не стыдили, не совестили, хотя бывшая жена противилась разводу, и не давали сроков на примирение. Развели, оставив детей на попечение матери, потом проставили штампы и выдали соответствующий документ.

А жениться во второй раз, тем паче так же спонтанно, да ещё без присутствия невесты, оказалось невероятно сложно: барьером становился её паспорт, который следовало обменять ещё в двадцатилетнем возрасте. Она же, оторванная от жизни, скорее всего, даже не подозревала, что давно живёт по недействительному документу, однако отлично знала, что её по тяжёлой уголовной статье разыскивает милиция. Сунься в паспортный стол — сразу арестуют и не посмотрят, что у документа вышел срок и он не удостоверяет личность. Поэтому Терехов показывал в загсах её паспорт с опаской и пытался сначала уговорить, потом подкупить работников, чтобы шлёпнули штамп о регистрации и выдали свидетельство.

Невеста же, когда-то принявшая обет безбрачия, при этом сидела взаперти у него в квартире и не ведала, что на ней хотят жениться. Впрочем, её это мало интересовало: она металась в каменных стенах, как дикая кошка, и даже ночью не снимала сшитой своими руками кожаной

паранджи. Ей было плохо в городе даже ночью: мешал шум, бесил свет уличных фонарей, бьющий в окна, и это подстёгивало Терехова, но штурмовать в лоб крепости загсов оказалось бесполезно. Чопорные дамы, регистрирующие браки, от взяток не отказывались, но почему-то страшились устаревшего паспорта и просили его обменять, даже услуги предлагали — позвонить, куда нужно, мол, сделают новый за полчаса, и не очень дорого. Терехов обещал посоветоваться с невестой и тихо исчезал, опасаясь таких случайных контактов с милицией.

Всё отчётливей вырисовывался замкнутый круг: чтоб получить чистый документ на другую фамилию, требовалось свидетельство о браке, которое не выдавали из-за просроченного паспорта, опять намекая на борьбу с терроризмом. В начале двухтысячных мир в России стоял вверх тормашками, как изображение в окуляре теодолита. Новое тысячелетие начиналось с войн, распрей и терактов, в Москве жилые дома подрывали, в метро ходили смертницы в хиджабах, ошалелые люди жили с чувством, будто попали в другую реальность. Математик Сева Кружилин увлекался нумерологией и на основе своих расчётов доказывал, что после разбойных, разрушительных девяностых наступили «нулевые» годы, и все хлопоты, чаяния и потуги будут в нуль. Надо пережить это стерильное время, бесплодный период, пока остывает излившаяся каменная лава, дожидаться, когда нарастёт хотя бы тоненький почвенный слой.

Терехов вспоминал это предсказание, пока бесполезно колесил по городу, объезжая знакомых. Наконец, к обе-

ду все же отыскал правильного приятеля, который навёл его на нужный районный загс, где заведующим работал его свояк, способный по доброте душевной — даже не за деньги! — исполнить страстное желание жениться. Андрей немедленно отправился по указанному адресу, но попал в перерыв, а потом и вовсе оказалось, что щедрый вершитель браков отправился в монастырь святого мученика Евгения и будет там до самого вечера, поскольку является то ли советником, то ли монастырским попечителем. А когда переступает ворота обители, то напрочь отключает все средства связи, дабы заниматься богоугодными делами. Терехов отчаялся, что опять пролетел, но плюнул на Севины расчёты и поехал наобум, без звонка, в надежде договориться о деловой встрече хотя бы на завтра.

Монастырь располагался на Приморской улице, в районе Чемского кладбища, где покоились родители Терехова, поэтому он эту местность хорошо знал. «Бракодел» и в самом деле заседал где-то с монахами, и Андрей, поджидая его, сходил на кладбище, погулял вдоль рукотворного мутного моря, прежде чем его дождался. Попечитель молча выслушал просьбу, но, ещё не дав согласия и слова не сказав, одним своим видом обозначил, что готов выполнить незамысловатую волю просителя. Показалось, что имя приятеля, свояком коего являлся «бракодел», сработало безотказно, достал визитку и вложил в руку.

— Переведёте на этот счёт тридцать тысяч, — заявил он, на миг разрушив образ бессребреника, но тут же пояснил:

— Это пожертвование на строительство монастыря.

— Добро, — облегчённо произнёс Терехов, в уме посчитав, что в смету пока укладывается.

«Бракодел» подал ему ещё одну визитку.

— А это на счёт храма, за венчание. Вы же поведёте невесту под венец?

Подобное Андрею и в голову не приходило, поэтому он глянул на означенную сумму ещё в пятьдесят тысяч, посчитал свои быстро тающие капиталы и пожал плечами.

— Не знаю... Мы об этом не подумали.

— Вы крещёный? Православный?

Спросил это так, будто собирался выставить ещё один счёт — за крещение, поэтому Терехов чуть поспешил:

— Ну, разумеется!

— А невеста?

Он ничего не знал о вероисповедании невесты, только догадывался, однако утвердительно кивнул.

— Венчание — обязательное условие, — заметил вершитель браков. — Сегодня вечером вас распишут и выдадут документ без присутствия невесты. А дня через три милости прошу под венец, в монастырский храм. Сами понимаете, перед Богом придётся предстать в паре со своей избранницей.

Ход был хитрым, продуманным, никто особенно не страдал от лицемерия чиновника, и сам он оставался чист перед совестью, Богом и службой, но подобный расклад Терехова вполне устраивал: главное было сегодня иметь в руках натуральное свидетельство о браке, дабы вручить

его паспортисту. Уже завтра вечером он рассчитывал отправиться в свадебное путешествие — купить авиабилеты на ночной рейс в Норильск. Поезда туда не ходили, говорят, теплоходы плавали от Красноярска до Дудинки, да и то нерегулярно, тем более осенью, а добраться на легковой машине вообще не реально. Оставался единственный транспорт — самолёт, однако демократия в России началась с тотального контроля за передвижением своих граждан, и теперь паспорт требовался даже для проезда в международном автобусе.

Терехов согласно покивал и ушёл бы сразу с монастырского подворья, но «бракодел» отослал его в храм, чтобы сделать заявку на венчание, определить его точное время и сразу же оплатить прочие услуги, то бишь фотографирование, заказ молебна во здравие и отдельно — способствие деторождению.

Он не собирался заводить детей в новом случайном и фиктивном браке, не смел и думать прикоснуться к телу невесты, поэтому прежде всего всерьёз задумался о фотографировании, но не на венчании, а на паспорт. Дело в том, что Алефтина фотоаппаратов и особенно вспышек терпеть не могла, и, пожалуй, тяжелее было уговорить её сняться, нежели оформить брачные отношения. Он вдруг с ужасом вспомнил о её капризах только сейчас и сразу же отяготился этой мыслью: снимки на паспорт нужны уже сегодня вечером! Фотосалон был неподалёку от дома Терехова, сходиться и сняться — минутное дело, но невеста днём вообще не выходила из квартиры, попросив закрыть окна чем-ни-

будь светонепроницаемым. И непонятно, чего она больше опасалась — яркого света или случайно брошенного чужого взгляда, поскольку Терехов жил на первом этаже и окна выходили на людную часть улицы. Кроме старого палаточного брезента, Андрей ничего не нашёл, поэтому, как смог, завесил окна, и теперь они сидели в зеленоватом полумраке, не включая света.

По дороге к храму пришла единственная трезвая и утешительная мысль — заказать фотографа на дом: такая услуга наверняка была, но как снимать без вспышки, в полутёмном пространстве квартиры, он представления не имел. Строптивая невеста, не снимающая паранджи, может отказать наотрез, и как было ей объяснить, что всё затеянное, в том числе и женитьба, вызвано острой необходимостью дела пустяшного — купить билет на самолёт и благополучно взлететь с аэродрома.

В монастырской церкви было гулко и почти пусто: за стойкой, где продавали свечи и иконы, сидела старушка с молодым иноком, они что-то пересчитывали, глядя в монитор ноутбука и при этом щёлкая костяшками старомодных счётов. А ещё двое рабочих в серых халатах разбирали металлические леса возле стены с восстановленными яркими фресками Страшного суда.

Терехов стал сбивчиво объяснять, что у него назначено венчание, и старушка сообразительно достала с полки пухлую амбарную тетрадь. В это время рабочий на лесах выронил трубу на каменный пол, заставив вздрогнуть всех присутствующих.

— Ну что же ты, Егорий? — с назидательным укором произнёс инок за стойкой. — Вот растяпа!

А по лицу было видно: выругаться хотел. Терехов машинально глянул в сторону рабочих, поймал взгляд этого растяпы и встрепенулся, но не от гулкого звука. Не хватило мгновения, чтобы рассмотреть его лицо — под сводами храма было сумрачно, да и рабочий уже отвернулся, вынимая из гнезда очередную трубчатую стойку.

— Фотографирование обязательно, — деловитым тоном отвлекла его старушка. — Фотограф наш. И молебен за здравие...

Андрей согласно покивал, выдержал паузу, но спросил как-то невнятно, невпопад и полусшёпотом:

— Это у вас... откуда рабочие?

— Это не рабочие — послушники, — мимоходом отозвался монах. — Ваше венчание на двенадцать тридцать. Прощу не опаздывать.

Терехов имел смутное представление о монастырской иерархии, ничего не понял и поэтому переспросил:

— То есть монах?

— До монашества ему ещё далеко, — заключила старушка, глядя с сожалением. — Предупредите гостей: женщины должны быть с покрытой головой и в юбках ниже колена.

— Послушание — это как курс молодого бойца, — с удовольствием объяснил инок. — Учебка, карантин.

И тем самым подтвердил, что Терехов не ошибся: человек на лесах имел отношение к армии. Он наконец-то оторвал взгляд от картины Страшного суда, услышал только

последние слова, однако утвердительно кивнул. А сам подумал, что и имя у послушника подходящее: Егорий — это ведь тот же Георгий! Вдобавок ко всему, когда платил деньги и расписывался в какой-то ведомости, почувствовал на себе взгляд этого «растяпы» и ощутил, как между ними протянулась некая связующая нить, по которой побежал ток. И даже не оборачиваясь, вдруг неоспоримо и убеждённо подумал, вернее, угадал: на лесах стоит Жора Репей! Невероятно, невозможно, невообразимо, но это он! Потому и трубу выронил, что внезапно увидел Терехова.

Андрей не собирался ни жениться по-настоящему, ни тем паче венчаться, но сейчас до внезапного головокружения и подступающей тошноты ощутил предательскую слабость от одной только мысли, что этот человек и впрямь, по воле рока, по злому стечению обстоятельств, преследует его в самые ответственные моменты. Иначе никак не объяснить его появление в храме, куда будто бы случайно занесла судьба!

Мысль, что послушник на лесах совсем другой человек, что Терехов ошибся, обознался, стучалась в затылок, но была искусственной, придуманной и не желала становиться реальностью. Можно было расплатиться за услуги и уйти без оглядки, возвращая её тем, что Жора ему почудился, пригрезился, поблазнился, но Андрей уже чуял арканную крепость протянутой нити между ними и не мог, да и не хотел рвать этой связки, предугадывая бесполезность и жалкость таких попыток.

Через минуту, когда он справил все формальности со старушкой и иноком, послушника на лесах уже не было,

а его напарник уходил в двери, сгибаясь под тяжестью труб на плече. Терехов осмотрелся и вышел из храма с чувством, будто его ведут на поводке. Солнечное бабье лето слегка вывело его из плена мистических ощущений, а нищий на паперти вроде бы и вовсе приземлил, попросив денег или выпить. Андрей бросил ему мелочь, перевёл дух и услышал голос Жоры откуда-то сзади:

— Здорово, Шаляпин.

Если бы не характерный дребезжащий тембр и не обращение по прозвищу, сразу признать Репья было бы невозможно. Длиннополый серый балахон скрывал многолетнюю военную выправку, делая его бесформенным и пришибленным, вместо горделивой зелёной фуражки на голове лежал такой же серый комковатый блин, натянутый до бровей, а смиренно потупленный, некогда пронзительный волчий взор, за который его любили солдаты и женщины, рыскал по пыльным ботинкам Терехова.

В этот миг Андрей подумал не о Жоре, а о всеильном шамане Мешкове, который предрёк, спрогнозировал, а может, и колдовством своим как-то устроил судьбу бывшего начальника заставы. И она, судьба, превратилась в реальность...

Днём турист ещё находился в сознании, храбрился и даже порывался идти бездорожьем, через границу, но к вечеру впал в полусонное, бредовое состояние, звал какую-то Ланду, просил не сдавать его в комендатуру и ухал, как филин.

Сначала показалось, что он придуривается: никаких видимых следов болезни, жара, простуды или ушибов не было, разве что взгляд нездоровый, мутно-блистающий, но это скорее от крайней усталости и голода. Тащить его на себе хотя бы к дороге, по которой иногда проезжают наряды, нечего было и думать. Искатель приключений весил килограммов девяносто, а учитывая, что вместе с потерей рассудка он обмяк и расплылся по всему пространству узкой палатки, вынимать его оттуда не имело смысла. Надо было искать какой-нибудь транспорт, грузить и вывозить на заставу, которой турист боялся, как огня, поскольку считал, что там непременно ограбят.

Терехов нашёл его недалеко от старой монгольской границы, хотя он никак не походил на нарушителя или перебежчика. Типичный замороченный эзотерикой, «рерихнутый» искатель всего чудесного: такой тип молодых людей